

УДК 39; 904

Т.Н. Собољникова

Археологические исследования в низовьях Иртыша (по итогам полевого сезона 2013 г.)

Аннотация. Статья посвящена итогам полевого сезона 2013 г. на территории Согомского археологического микрорайона, расположенного в низовьях Иртыша (Ханты-Мансийский район ХМАО – Югры). Объектом изучения являлось поселение Чебачье 3, а основной целью – его культурно-хронологическая атрибуция. Материалы, полученные в ходе исследования объектов поселения Чебачье 3, позволили сделать вывод о неоднократном освоении данной территории древним населением: начиная с неолита, в раннем и позднем бронзовом веке и в эпоху средневековья.

Ключевые слова: археологический микрорайон, таежная зона Западной Сибири, низовья Иртыша, неолит, ранняя бронза, поздняя бронза, средневековье, историко-культурная интерпретация.

T.N. Sobolnikova

Archaeological researches in the lower reaches of Irtysh (results of the field season of 2013)

Summary. In the field season of 2013 archaeological researches were continued in the Sogomsk archaeological microdistrict located in the lower reaches of the Irtysh River (Khanty-Mansiysk district of KMAO – Yugra). The object of study was the settlement Chebachye 3, and the main purpose is its cultural and chronological attribution. The materials received during the research of objects of the settlement of Chebachye 3, allowed to draw a conclusion on repeated development of this territory by the ancient population: since the Neolithic Era, in an Early and Late Bronze Age and the Middle Ages.

Keywords: archaeological microdistrict, taiga zone of Western Siberia, the lower reach of the Irtysh, Neolithic Era, Early Bronze, Late Bronze, Middle Ages, historical-cultural interpretation.

Реконструкция процессов освоения древним населением таежной зоны Западной Сибири осложняется крайней неравномерностью в археологическом изучении этой обширной территории. Отчасти это объясняется приуроченностью исследований к районам активного хозяйственного освоения (например, в Сургутском Приобье), а также труднодоступностью и отсутствием транспортных коммуникаций. Район низовий Иртыша можно отнести к одному из наименее исследованных в археологическом отношении. Особенно это касается территорий, расположенных на расстоянии от магистральных рек – Иртыша, Конды. Между тем, археологические изыскания последних лет демонстрируют нам, что верховья мелких рек, впадающих в Иртыш и Конду, активно осваивались древними и средневековыми обществами. Именно к таким можно отнести Согомский

археологический микрорайон, расположенный в окрестностях одноименной деревни по берегам озера Домашний Сор (Ханты-Мансийский район ХМАО – Югры). На протяжении 2009–2012 гг. здесь было выявлено и описано около 200 археологических объектов [1, 2]. На современном этапе ключевой исследовательской задачей является культурно-хронологическая атрибуция выявленных памятников, введение их в научный оборот. Ее актуальность обусловлена тем, что более половины памятников Согомского археологического микрорайона датированы по визуально выраженным признакам [2, 139]. Для многих объектов такой подход приводит к весьма условным расширенным датировкам – от неолита до средневековья.

В рамках настоящей статьи представлены результаты археологических исследований, проведенных в полевом сезоне 2013 г.

В качестве объекта исследования было выбрано поселение Чебачье 3. Памятник имеет категорию объекта культурного наследия регионального значения, включен в Государственный список недвижимых памятников истории и культуры значения Ханты-Мансийского автономного округа в раздел «Ханты-Мансийский район» под № 33 [3].

Поселение Чебачье 3 расположено на западном берегу озера Домашний Сор в урочи-

ще «Чебачий бор», представляющем собой возвышенный участок берега, ограниченный с севера, запада и юга болотами. Рельеф бора плоский, слаборасчлененный гривами. Вся территория урочища пронизана сетью лесных дорог, которые остались с советских времен, когда здесь проводились активные лесозаготовки (рис. 1).

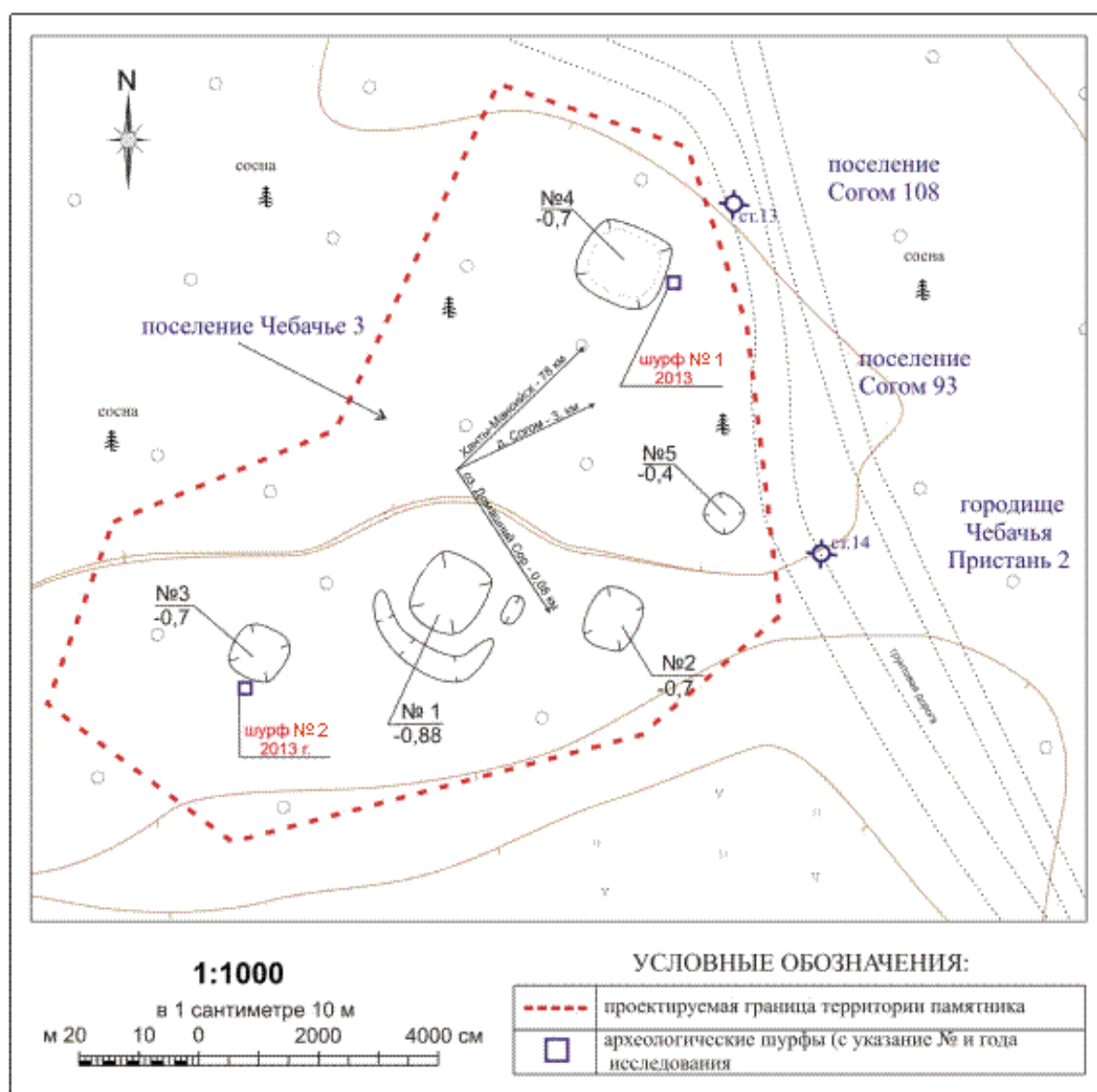

Рис. 1. План поселения Чебачье 3

Памятник был открыт в 1989 г. археологической экспедицией Тобольского государственного педагогического института под руководством Н.Ю. Поршуковой [4, 7–8]. Кроме поселения Чебачье 3 исследователем на территории данного урочища были выявлены еще два объекта археологии. Один из них – городище Чебачья Пристань 2 – располагается в непосредственной близости от поселения – в 50 м к западу (рис. 1). Поселение Чебачье 3, следуя описанию автора, было представлено двумя впадинами – остатками древних сооружений, расположенными на небольшом возвышении. Диаметр впадин составлял 6 м, с юго-западной стороны они были ограничены рвом. Датировка и культурная атрибуция в связи с отсутствием материала Н.Ю. Поршуковой не проводились [4, 8].

В ходе мониторинга 2011 г. памятник не был идентифицирован. Отчасти это было обусловлено ландшафтной ситуацией. Поскольку территория расположения памятника граничит с болотом, здесь чрезвычайно развит травяно-кустарничковый ярус, в котором доминируют брусника и багульник болотный, сплошные заросли которого достигают 1 м в высоту. Поселение удалось обнаружить в следующем году в ходе археологической разведки, проведенной А.В. Кузиной с участием автора [5]. В рамках исследования памятника был существенно уточнен его план. На возвышенности, где ранее Н.Ю. Поршуковой были выявлены две впадины (№ 1, 2), к западу от них была зафиксирована еще одна впадина (№ 3). На плане все три впадины образуют единую линию (рис. 1). Прямо под возвышенностью была обнаружена небольшая впадина подквадратной формы (№ 5), а в 34 м к северу от этой группы впадин был выявлен еще один археологизированный объект – впадина № 4, отличающаяся от остальных объектов своей формой и большими параметрами (ее размеры составляют 12,1х13,5 м, глубина – 0,7 м).

В связи с тем, что шурфовка на памятнике в 2012 г. не проводилась, его культурно-хронологическая атрибуция оставалась невыясненной. Разнообразие форм и размеров впадин позволило выдвинуть предположение о том, что территория памятника заселялась в разные периоды древности – от бронзового века до средневековья [5, 22].

В полевом сезоне 2013 г. на территории поселения Чебачье 3 с целью его культурно-хронологической атрибуции были заложены 2 шурфа размерами 2х2 м, ориентированы по сторонам света. Шурф № 1 был сделан в северной части, с напольной стороны восточного «плеча» впадины № 4; шурф № 2 – в юго-западной части памятника, рядом с впадиной № 3 (рис. 1). В обоих шурфах был выявлен культурный слой мощностью до 65–75 см и получена коллекция артефактов.

Наибольшее количество находок было сделано в шурфе № 1 – 131 ед. хр., это фрагменты керамических сосудов и каменных изделий; кости мелких животных и рыб.

Остеологические остатки являются наиболее массовой категорией, все они были приурочены к поздней «яме», которая была зафиксирована в шурфе № 1 (рис. 2). Среди них преобладают трубчатые кости и суставы животных (лисы, зайца?) (рис. 2–2, 5, 7, 8), кроме того, в коллекции есть челюсти мелких животных (рис. 2–3, 4, 6), фрагмент рога лося (?) (рис. 2–1), позвонки и кости рыб, которые залегали скоплением на дне «ямы». Визуально на некоторых костях фиксируются следы сколов и, возможно, какой-то дополнительной обработки (?) (рис. 2–5, 8). Данное предположение требует отдельного исследования, так же как и определение принадлежности костей к конкретным видам животных.

Заполнение ямы (темно-серый, почти черный гумусированный слой), достаточно четкие и правильные очертания «ямы» в планиграфических срезах наводят на мысль о каком-то наземном сооружении (например, очага с рамой?). Кроме того, относительно хорошая сохранность костных останков, залегание их скоплениями и группами (часто сходных по типу, например, трубчатые кости, кости рыб и т.д.) позволяют нам предположить, что «яма» может быть связана с функционированием расположенного в непосредственной близости (50 м) от поселения Чебачье 3 средневекового городища Чебачья Пристань 2. Памятник датируется развитым средневековьем – X – начало XII в. н.э. (кентусовский этап) [6, 45–51].

Культурно-хронологическая атрибуция собственно поселения Чебачье 3 связана с исследованием керамической коллекции, полученной в шурфе № 1, которая включает в себя 46 фрагментов стенок и венчиков сосудов баночной

Рис. 2. Поселение Чебачье 3. Osteологические материалы из шурфа № 1

формы разных размеров. Толщина стенок варьирует от 0,3 до 0,9 см. Судя по характеру излома и примесей, предварительно можно выделить несколько рецептур формовочных, масса глина + песок + шамот; глина + органика + шамот. В единичных случаях зафиксированы включения талька. Поверхности сосудов тщательно выравнивались и заглаживались, на некоторых фрагментах с внутренней стороны сохранились следы обработки гребенчатым штампом. После нанесения орнамента сосуды подвергались легкому лощению и заглаживанию влажной тканью. На внутренней поверхности некоторых фрагментов присутствуют следы нагара.

Орнаментальные схемы в целом для сосуда реконструировать сложно в силу фрагментарности коллекции. В зоне венчика наносились: наклонные ряды из горизонтальных оттисков короткого гребенчатого штампа, которые отделялись от остального орнамента рядом круглых ямок (рис. 3–1); полоса «сотового» орнамента, выполненного гребенчатым штампом, с ямочными вдавлениями в центре «сот» (рис. 3–2, 3). В целом мотивы, которые использовались для декорирования стенок сосудов, достаточно простые и монотонные:

- горизонтальные ряды из наклонных оттисков короткого штампа, чередующиеся с рядами ямок или зигзагом (рис. 3–7);
- чередование горизонтальных и вертикальных (или наклонных) полос, состоящих из оттисков гребенчатого или гладкого штампа;
- ломаные линии из оттисков гребенчатого штампа (рис. 3–4);
- горизонтальные ряды «шагающей» гребенки, поверх которых наносился ряд ямок (рис. 3–7).

На нескольких фрагментах стенок сосудов в коллекции, полученной в шурфе № 1, встречен «сотовый» орнамент, выполненный гребенчатым штампом с мелкой нарезкой. Судя по всему, зон «сотового» орнамента на одном сосуде могло быть несколько, друг с другом они «соединялись» вертикальными линиями. В качестве общей особенности можно выделить использование для орнаментации посуды штампов с короткой длиной рабочего края (от 0,7 до 1,4 см).

Для культурно-исторической интерпретации данных материалов, помимо выделенных ранее характеристик («сотовые» узоры), тип

штампа, орнаментальные мотивы), немаловажное значение может иметь наличие в коллекции двух фрагментов стенок сосудов с «псевдотекстильными» оттисками (2 технологическая группа) (рис. 3–5) [7, 44].

В целом, завершая характеристику керамической коллекции, полученной в шурфе № 1, следует отметить, что, несмотря на определенную вариативность в технологических и декоративных признаках, ее можно отнести к одному комплексу. Исключение составляет единичный фрагмент стенки сосуда, который выбивается из общего контекста по своим технологическим показателям и декору, орнаментирован оттисками лопаточки в форме «галочки» (рис. 3–8). Такой штамп характерен для средневековой керамики.

Каменные изделия, найденные в шурфе № 1, представлены фрагментами каменного тесла (рис. 3–9), шлифованного орудия, абразивной плитки. Подобные находки типичны для памятников эпохи ранней бронзы бассейна р. Конды [8, 95]

Близкие аналогии керамике, полученной в шурфе № 1, можно провести с комплексами эпохи ранней бронзы низовий Конды (поселения Чилимка IV, X, I, VI) [9, 19–21]. Их объединяют: распространение такого орнаментального мотива, как чередование полосы из наклонных столбиков короткого гребенчатого штампа с разделительными рядами из ямок; наличие «сотовых» узоров, «текстильной» керамики, манера постановки штампа (под углом к поверхности), использование коротких штампов и некоторые другие.

Анализ орнаментальных и технологических признаков нижнекондинской посуды позволил сделать вывод о том, что она сочетает в себе черты, присущие как местным, таежным (зауральским), культурам эпохи энеолита – раннего металла («гребенчатого геометризма»), так и культурам лесостепной зоны (Среднее Прииртышье, Верхнее Приобье) – однокрохалевской (гребенчато-ямочной) орнаментальной традиции [10, 131]. Это «смешение» обусловлено особенностями эпохи раннего металла в таежной зоне Западной Сибири – времени распространения гребенчато-ямочной орнаментальной традиции, сформировавшейся в более южных – лесостепных районах. Керамический комплекс поселения Чебачье 3 (шурф № 1), так же как и нижнекондинские

Рис. 3. Поселение Чебачье 3. Находки из шурфа № 1

памятники, можно считать северо-западной окраиной распространения одино-крохалевской орнаментальной традиции и датировать первой половиной II тыс. до н.э.

В шурфе № 2, заложенном рядом с впадиной № 3 поселения Чебачье 3, находок содержалось гораздо меньше – 8 фрагментов керамики. В северной части шурфа, так же как и в шурфе № 1, была выявлена «яма» более позднего происхождения. Заполнение «ямы» представляло собой мешаную супесь серого цвета, глубина – 75 см. Большая часть фрагментов керамики (5 экз.) была найдена именно в ней. Все они от одного сосуда плоскодонной формы (рис. 4). Толщина стенки 0,5 см, к придонной части увеличивалась до 0,8. Судя по ряду признаков (характерные растрескивания на поверхности), сосуд подвергался влажной обработке (возможно, обмазке). В тесто добавлялся шамот. Характер течения глинистой массы в изломе

позволяет сделать заключение об использовании жгутового способа формовки. Орнаментальная схема монотонна: горизонтальные ряды наклонных оттисков гребенки, чередующиеся с рядами круглых ямок. Для его нанесения использовался гребенчатый штамп (длина рабочего края 1 см) с крупной нарезкой зубцов и прямоугольной формой рабочего края.

Данная керамика по орнаментальным и технологическим показателям находит близкие аналогии с материалами низовий Конды (поселения Чилимка 1, 3, 7, 19, 21, 22 и др.), датируемыми поздними этапами бронзового века [11, 26–28]. Многие из них были изучены раскопками. Исследователи выделяют их в особый «нижнеиртышский вариант гребенчатоямочной культурной общности», близкий по своим характеристикам барсовской культуре поздней бронзы Сургутского Приобья (последняя четверть II – первая четверть I тыс. до н.э.) [12, 49–53].

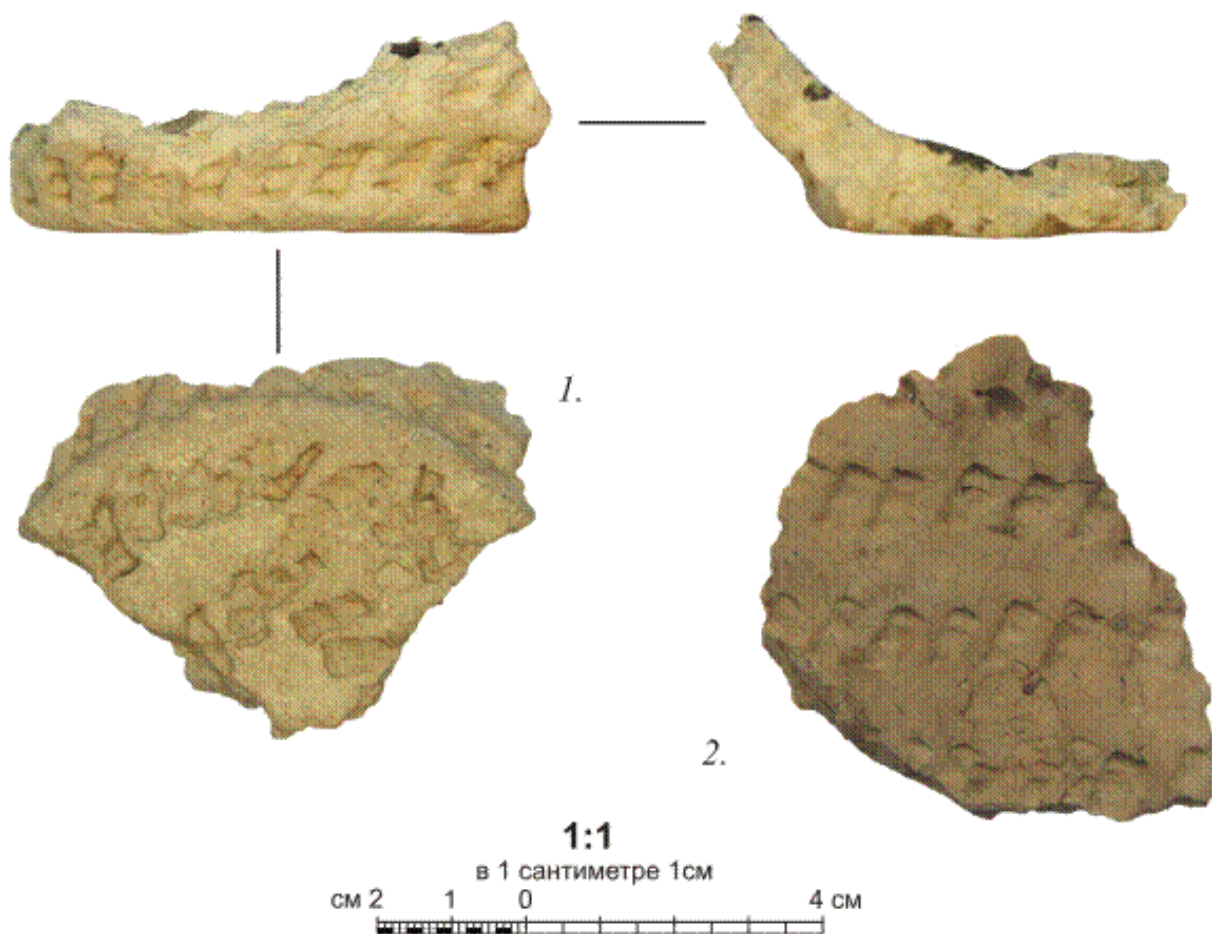

Рис.4. Поселение Чебачье 3. Керамика из шурфа № 2

Вне «ямы», в центральной части шурфа, были найдены 3 мелких фрагмента стенок сосудов, орнаментированных прочерченными волнистыми линиями, чередующимися с рядом ямок. Такие узоры были распространены в таежной зоне Западной Сибири в эпоху неолита. Наиболее близкую аналогию данной керамике можно провести с керамическим комплексом поселения Чилимка 5 (низовья Конды), датированного поздним неолитом – конец IV – начало III тыс. до н.э. [9, 17–18].

Таким образом, в полевом сезоне 2013 г. в границах Согомского археологического микрорайона был исследован ранее не атрибутированный памятник археологии – поселение Чебачье 3. В результате были получены новые источники по ранним и поздним этапам бронзового века таежной зоны Западной Сибири. Все находки, сделанные во время полевых работ, переданы на хранение в БУ ХМАО – Югры «Музей Природы и Человека» г. Ханты-Мансийска. Анализ артефактов позволяет нам сделать заключение о неоднократном заселении и освоении территории поселения, начиная с поздненеолитического времени, на протяжении бронзового века и в эпоху развитого средневековья. С большой долей вероятности с эпохой ранней бронзы можно связать впадину № 4. Косвенно в пользу хронологической «обособленности» данного объекта от остальных может свидетельствовать ее пространственная удаленность от остальных, а также, отличия в параметрах (она самая большая по площади). Соотнести остальные сооружения поселения Чебачье 3 (№ 1, 2, 3, 5) с конкретными хронологическими периодами на данном

этапе исследования можно лишь на гипотетическом уровне. По визуальным (выраженным в рельефе) признакам аналогии сооружению № 1 можно найти как среди неолитических поселений таежной зоны Западной Сибири, так и среди жилищ эпохи бронзы [12, 23, 50]. Ю.П. Чемякин при описании построек барсовской культуры упоминает, что в ходе раскопок были зафиксированы внешние хозяйственные ямы, содержащие фрагменты керамики, камни [9, 50]. Вполне возможно, что яма в шурфе № 2, в которой найдены фрагменты плоскодонного сосуда с гребенчато-ямочным орнаментом, может быть интерпретирована подобным образом. С учетом обнаружения в этом же шурфе керамики неолитического облика не исключен вариант того, что мы имеем дело с многослойным памятником.

В заключение отметим, что изучение объектов археологии в пределах археологического микрорайона дает исследователям большие возможности для реконструкции процессов эволюции и трансформации культур, адаптации к условиям среды и т.д. Наиболее перспективными в этом контексте направлениями по изучению Согомского археологического микрорайона являются: создание культурно-хронологической колонки, отражающей этапы освоения данной территории; выделение закономерностей в расположении и пространственной организации поселений и городищ для разных периодов; определение характера и направлений связей с другими районами Западной Сибири. Исследования, проведенные в 2013 г., по сути являются промежуточным этапом к реализации данных направлений.

Литература

1. Зайцева Е.А., Кениг А.В., Соболяникова Т.Н. Археологический мониторинг как фактор сохранности объектов культурного наследия (по материалам работ 2010–2012 годов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре) // Вестник НГУ. Т. 12. Вып. 3. Новосибирск, 2013. С. 86–92.
2. Зайцева Е.А., Кениг А.В., Соболяникова Т.Н. Проблемы освоения Нижнего Прииртышья в древности и средневековье (на примере Согомского археологического микрорайона) // Вестник угроведения. – № 3. – С. 137–146.
3. Государственный список недвижимых памятников истории и культуры значения Ханты-Мансийского автономного округа (утвержден Постановлением губернатора ХМАО от 04.03.97 № 89, с изменениями на 17 июня 1997 г.).
4. Поршукова Н.Ю. Отчет о разведочных работах в Ханты-Мансийском районе Тюменской области в 1989 г. Тобольск, 1991. Архив ИА РАН. Р-1. № 14013. 29 с.

5. Кузина А.В. Отчет о НИР: археологическая разведка в районе д. Согом Ханты-Мансийского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, проведенная в сентябре 2012 года. Ханты-Мансийск, 2013. 42 с.
6. Собољникова Т.Н. Отчет о НИР: археологическая разведка в окрестностях д. Согом в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, проведенная летом 2012 года. Книга 1. Ханты-Мансийск, 2013. 143 с.
7. Глушков И.Г. Характеристика текстильной керамики Чилимского микрорайона (низовья Конды) // Источники по археологии Западной Сибири: Сборник научных трудов / отв. ред. Т.Н. Глушкова. Сургут: РИО СурГПУ, 2005. С. 34-45.
8. Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во НИИПИ «Волот», 2009. 272 с.
9. Собољникова Т.Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита – ранней бронзы. Автореферат на соискание ученой степени к.и.н. Барнаул, 1999. 22 с.
10. Собољникова Т.Н. Гончарные традиции Зауралья эпохи ранней бронзы (на примере керамических комплексов низовий Иртыша) // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 1999. С. 118–131.
11. Глушков И.Г., Захочая Т.М. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. Сургут: Изд-во РИС СурГПИ, 199 с.
12. Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Сургут – Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. 224 с.

References

1. Zajceva E.A., Kenig A.V., Sobol'nikova T.N. Arheologicheskij monitoring kak faktor sohrannosti ob#ektov kul'turnogo nasledija (po materialam rabot 2010–2012 godov v Hanty-Mansijskom avtonomnom okruge – Jugre) // Vestnik NGU. T. 12. Vyp. 3. Novosibirsk, 2013. S. 86–92.
2. Zajceva E.A., Kenig A.V., Sobol'nikova T.N. Problemy osvoenija Nizhnego Priirtysh'ja v drevnosti i srednevekov'e (na primere Sogomskogo arheologicheskogo mikrorajona // Vestnik ugrovedenija. – № 3. – S. 137–146.
3. Gosudarstvennyj spisok nedvizhimyh pamjatnikov istorii i kul'tury znachenija Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga (utverzhdjen Postanovleniem gubernatora HMAO ot 04.03.97 № 89, s izmenenijami na 17 ijunja 1997 g.).
4. Porshukova N.Ju. Otchet o razvedochnyh rabotah v Hanty-Mansijskom rajone Tjumenskoj oblasti v 1989 g. Tobol'sk, 1991. Arhiv IA RAN. R-1. № 14013. 29 s.
5. Kuzina A.V. Otchet o NIR: arheologicheskaja razvedka v rajone d. Sogom Hanty-Mansijskogo rajona Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Jugry, provedennaja v sentjabre 2012 goda. Hanty-Mansijsk, 2013. 42 s.
6. Sobol'nikova T.N. Otchet o NIR: arheologicheskaja razvedka v okrestnostjah d. Sogom v Hanty-Mansijskom rajone Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Jugry, provedennaja letom 2012 goda. Kniga 1. Hanty-Mansijsk, 2013. 143 s.
7. Glushkov I.G. Harakteristika tekstil'noj keramiki Chilimskogo mikrorajona (nizov'ja Kondy) // Istochniki po arheologii Zapadnoj Sibiri: Sbornik nauchnyh trudov / отв. ред. Т.Н. Глушкова. Сургут: РИО СурГПУ, 2005. S. 34–45.
8. Koksharov S.F. Pamjatniki jeneolita severa Zapadnoj Sibiri. Ekaterinburg: Izd-vo NPMP «Volot», 2009. 272 s.
9. Sobol'nikova T.N. Goncharnye tradicii nizovij Kondy v jepohu neolita – rannej bronzy. Avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni k.i.n. Barnaul, 1999. 22 s.
10. Sobol'nikova T.N. Goncharnye tradicii Zaural'ja jepohi rannej bronzy (na primere keramicheskikh kompleksov nizovij Irtysha) // Jekologija drevnih i sovremennyh obshhestv. Tjumen', 1999. S. 118–131.
11. Glushkov I.G., Zahozhaja T.M. Keramika jepohi pozdnej bronzy Nizhnego Priirtysh'ja. Surgut: Izd-vo RIS SurGPI, 199 s.
12. Chemjakin Ju.P. Barsova Gora: ocherki arheologii Surgut'skogo Priob'ja. Surgut – Omsk: ОАО «Омский дом печати», 2008. 224 s.